15. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. В 20 кн. Т. XIX. Письма. 1882–1899 гг. М.: Худож. лит., 1984. С. 3–459.

16. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. В 20 кн. Том XX. Письма. 1900–1910 гг. М.: Худож. лит., 1984. С. 460–758.

17. Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 11. Письма 1877–1892. М.: Гослитиздат, 1956.

18. Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 12. Письма 1893–1904. М.: Гослитиздат, 1957.

19. Шолохов М.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Письма. 1924–1984 гг. М.: Сов. писатель, 2005.

* * *

1. Gol'din V.E., Sirotinina O.B. Vnutrinacional'nye rechevye kul'tu-ry i ih vzaimodejstvie // Voprosy stilistiki: problemy kul'tury rechi. Sa-ratov: Izd-vo SGU, 1993. Vyp. 25. S. 151–160.

2. Zemskaja E.A. Russkaja razgovornaja rech': lingvisticheskij analiz i pro-blemy obuchenija. M.: Rus. jaz., 1979.

3. Moskvin V.P. Russkaja metafora: ocherk semioticheskoj teorii. 2-e izd., pererab. i dop. M.: LENAND, 2006.

4. Sirotinina O.B. Sovremennaja razgovornaja rech' i ee osobennosti. M.: Znanie, 1974.

5. Harchenko V.K. Sovremennaja povsednevnaja rech'. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Izd-vo LKI, 2010.

6. Horoshaja rech' / pod red. M.L. Kormilicynoj i O.B. Sirotininoj. 3-e izd. M.: Kn. dom «Librokom», 2009.

Istochniki

7. Astaf'ev V.P. Net mne otveta… Jepistoljarnyj dnevnik 1952–2001 / sost., predisl. G. Sapronova. 2-e izd., dop. Irkutsk: Izd. Sapronov, 2009.

8. Gor'kij M. Sobranie sochinenij: v 30 t. T. 28. Pis'ma, telegrammy, nadpisi. 1889–1906 gg. M.: Hudozh. lit., 1954.

9. Gor'kij M. Sobranie sochinenij: v 30 t. T. 29. Pis'ma, telegrammy, nadpisi. 1907–1926 gg. M.: Hudozh. lit., 1955.

10. Gor'kij M. Sobranie sochinenij: v 30 t. T. 30. Pis'ma, telegrammy, nadpisi. 1927–1936 gg. M.: Hudozh. lit., 1955.

11. Pushkin A.S. Pis'ma: v 3 t. T. I. 1815–1826. M.: Zaharov, 2006.

12. Pushkin A.S. Pis'ma: v 3 t. T. II. 1827–1831. M.: Zaharov, 2006.

13. Pushkin A.S. Pis'ma: v 3 t. – T. III. 1832–1837. M.: Zaharov, 2006.

14. Tolstoj L.N. Sobranie sochinenij: v 22 t. V 20 kn. T. XVIII. Pis'ma. 1842–1881 gg. M.: Hudozh. lit., 1984. S. 305–912.

15. Tolstoj L.N. Sobranie sochinenij: v 22 t. V 20 kn. T. XIX. Pis'ma. 1882–1899 gg. M.: Hudozh. lit., 1984. S. 3–459.

16. Tolstoj L.N. Sobranie sochinenij: v 22 t. V 20 kn. Tom XX. Pis'ma. 1900–1910 gg. M.: Hudozh. lit., 1984. S. 460–758.

17. Chehov A.P. Sobranie sochinenij: v 12 t. T. 11. Pis'ma 1877–1892. M.: Goslitizdat, 1956.

18. Chehov A.P. Sobranie sochinenij: v 12 t. T. 12. Pis'ma 1893–1904. M.: Goslitizdat, 1957.

19. Sholohov M.A. Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 10. Pis'ma. 1924–1984 gg. M.: Sov. pisatel', 2005.

Usage peculiarities of metaphors and comparisons in the epistolary style of the XIX–XX centuries (based on the units that note the works of literature)

There are analyzed the functioning peculiarities of metaphors and comparisons in the epistolary style of the XIX–XX centuries. There are revealed the usage regularities of these tropes that are similar to their use in colloquial speech. There is given the thematic classification of the analyzed metaphors and comparisons. There are shown the author's preferences in tropes choice relating to this or that thematic group that characterize the epistolary idiostyle of the writer.

Key words: *idiostyle, colloquial speech, metaphor, comparison, epistolary text.*

К.И. ДЕКАТОВА
(Волгоград)

СЕМАНТИКА ТЕРМИНА «ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА» В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Описываются семантические особенности термина «информационная война» и рассматриваются преобразования его значения в публицистическом тексте.

Ключевые слова: *метафора, семантика, термин «информационная война», публицистический текст.*

С древнейших времен разного рода конфликты между людьми, социальными группами, странами сопровождались информационным манипулированием сознанием участников столкновений. Однако ранее для номинации такого информационного воздействия использовались слова «дезинформация», «пропаганда», «запугивание» и т.д. В последнее десятилетие в российских СМИ все чаще на ме-

© Декатова К.И., 2015

сте этих языковых единиц появляется метафора «информационная война». Является ли частое употребление данной метафоры простой данью моде или это отражение изменившегося восприятия тех событий в информационной сфере, которые становятся неизменным спутником столкновений интересов? К ответу на этот вопрос, на наш взгляд, поможет приблизиться анализ семантики этой метафоры и контекста ее употребления.

Как утверждают политологи, термин “information warfare” стал активно употребляться в американских военных и политических кругах во второй половине XX в. [9]. В русский язык этот термин был заимствован из английского языка и переводился в зависимости от сферы употребления как «информационное противоборство» или «информационная война» [9; 12]. Последний перевод хотя и является, по мнению некоторых ученых, слишком «жестким» [13], начал использоваться в документах, научно-исследовательских работах, выступлениях военных, политиков и политологов с разным значением. К наиболее распространенным можно отнести несколько определений данного термина. Так, Г.Г. Почепцов информационной войной называет «коммуникативную технологию по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями» [10, с. 10]. С.А. Тихомиров определяет информационную войну как «целенаправленные действия, предпринятые для достижения информационного превосходства путём нанесения ущерба информации, информационным процессам и информационным системам противника при одновременной защите собственной информации, информационных процессов и информационных систем» [12, с. 48]. Ю.Г. Чернышов подразумевает под информационным противоборством «воздействие на определенную аудиторию с целью получения превосходства над соперником» [13, с. 4].

Обращает на себя внимание тот факт, что в представленных дефинициях результатом переосмысления слова «война» становится редукция его прямого значения до сем ‘действие/воздействие, наносящее ущерб’, ‘недружественное действие/воздействие’. Многие дифференциальные смыслы, смысловые элементы ассоциативно-образного происхождения, эмоционально-оценочного характера, входящие в семантическую структуру слова «война», в значении термина «информационная война» нивелируются. Эта специфика терминологического значения, как правило, сохраняется в официально-деловых и научных текстах. Попадая в публицистический текст, содержание сочетания слов «информационная война» изменяется. Как представляется, термин преобразуется в живую метафору, и происходит это за счет «реанимации» метафорического значения слова «война», например:

«Журналист не должен быть *солдатом* в *окопах* ***информационной войны,*** мы не комбатанты, поскольку комбатантом является только человек, взявший в руки оружие. На войне корреспондент не может бегать из окопа в окоп, переходя линию фронта, но если бы Хемингуэй был *бойцом информационного фронта*, нам было бы неинтересно читать его произведения» (Дмитрий Ребров. Аргументы и факты. 2014. 15 авг. URL: http://www.aif.ru).

В данном фрагменте статьи информационное противостояние со своими «солдатами», «окопами» и «линией фронта» становится войной, а в семантической структуре сочетания слов «информационная война» происходит активация смысловых элементов ‘организованная борьба’, ‘конфликт’. Правда, как и в метафорах «финансовая война», «газовая война», «экономическая война» и т.д., в сочетании слов «информационная война» слово «война» обозначает борьбу без летального оружия. Поэтому смысловые элементы ‘кровь’, ‘смерть’, ‘убийство’, ‘страдание’, ‘трагедия’ и др. оказываются на периферии метафорической семемы. И все же информационная война – это не просто безобидная борьба или конфликт, а опасное противостояние, которое приобретает множество признаков реальной войны. На страницах газет и журналов метафорическая война становится очень похожей на настоящую вследствие распространения метафоры и активации целого ряда сем, вербализирующих признаки войны : ‘вооруженная (борьба)’, ‘(борьба) с военными действиями и этапами’, ‘(борьба) с воюющими сторонами и жертвами’. Нередко эти смысловые элементы приобретают самостоятельную вербальную форму, оказываясь распространителями анализируемой метафоры. Так, как и реальная война, информационная сопровождается военными действиями: *информационными атаками, взрывами, боями, обстрелами, блокадами, сражениями* и т.д., например:

«Поражения российской оппозиции в жизни реальной перевели практически все бои в плоскость виртуальную. На полях Интернета с новой силой полыхнули ***информационные сражения***» (Михаил Шахназаров. Известия. 2014. 24 июля. URL: http://izvestia.ru).

«Реальная война в Донецкой и Луганской областях сопровождается эффектной, а порой и эффективной ***информационной бойней.*** В

этой виртуальной войне пока нет четкой линии фронта. Но помимо ополченцев и украинских войск в нее уже втянута Россия» (Владимир Мухин. Независимая газета. 2014. 27 авг. URL: http://www.ng.ru).

«Президент России принял участие в саммите G20, несмотря на ***информационную атаку,*** предпринятую австралийскими СМИ и политиками. Обещанный “жаркий” приём превратился в “холодный”, а преждевременный отъезд Владимира Путина был расценен неоднозначно» (Екатерина Ларинина. Аргументы и факты. 2014. 20 нояб. URL: http://www.aif.ru).

Участники информационной войны так же, как и участники реальной, используют *оружие* и имеют *воинские звания*, например:

«Но у Лужкова по крайней мере были власть, влияние и деньги, и это делало его интересным публике. Но вот ради чего, скажите на милость, ***информационные орудия*** *главного калибра дали залп* по полузабытому сатирику Виктору Шендеровичу, не занимающему никаких постов и не очень популярному даже в среде единомышленников?» (Игорь Караулов. Известия. 2014. 18 февр. URL: http://izvestia.ru).

«Россия оказалась неплохо подготовлена к новому типу войны. Волны российского радио и телевидения сегодня способны покрыть всё мировое пространство. А ***рядовые*** *информационной войны* чётко исполняют приказ “патронов не жалеть”» (Вячеслав Костиков. Аргументы и факты. 2014. 15 окт. URL: http://www.aif.ru).

«Но все это не так уж важно. А важно то, что в информационную войну между Россией и Беларусью включился лично президент Дмитрий Медведев. <…> Потому что сам президент решил стать ***солдатом*** – ну пускай даже и не солдатом, а ***генералом***, ну пускай даже не генералом, а ***маршалом*** – *информационной войны*» (Виталий Портников. Политком.RU. 2010. 3 авг. URL: http://www.politcom.ru).

Информационная война не отличается от реальной номинацией этапов и результатов военных действий: начинается с *объявления войны, мобилизации,* ведется в соответствии со *стратегиями* и *тактиками, выигрывается* и *проигрывается*, например:

«Вокруг этого чудовищного преступления Америка объединяет большинство государств мира, ***мобилизует*** их на *информационную*, моральную *войну*, на боевые действия против Новороссии. Введение натовских подразделений на Украину, их участие в гражданской войне становится вероятным» (Александр Проханов. Известия. 2014. 22 июня. URL: http://izvestia.ru).

«Наши сотрудники действуют строго в рамках закона, − заявил “Известиям” официальный представитель ГУ МВД по Саратовской области Алексей Егоров. − Мы знаем, что нам ***объявили*** *информационную войну*, − через СМИ заинтересованные лица пытаются дискредитировать наше ведомство» (Герман Петелин. Известия. 2012. 4 июня. URL: http://izvestia.ru).

«На недавнем семинаре в Лондоне с участием известных международных экспертов и журналистов, организованном Legatum Institute, Атлантическим советом и Госдепартаментом США, возникла дискуссия о том, кто ***выигрывает*** *информационную войну* в связи с событиями в Украине» (Эдуард Лозаннский. Независимая газета. 2014. 11 нояб. URL: http://www.ng.ru).

У информационной войны есть свои *фронт*, *поля сражений*, например:

«На прошлой неделе на *информационных* ***фронтах*** продолжались *позиционные бои* с попыткой перехода в наступление. Но здесь пока еще много туману, а вот над минувшими боями туман вроде бы начал рассеиваться» (Виктор Абрамов. Независимая газета. 2001. 21 дек. URL: http://www.ng.ru).

«Волгоградский рынок СМИ изначально формировался как ***поле*** *информационной войны* между областной и городской властью» (Андрей Серенко. Независимая газета. 2014. 1 апр. URL: http://www.ng.ru).

Информационная война в пространстве публицистического текста страшна тем, что имеет разрушительные последствия, множит пострадавших, поэтому упоминания о ней, как и упоминание о реальном военном противостоянии, сопровождаются негативной эмоционально-оценочной характеристикой, например:

«Сергей Шаргунов: <…>Что же касается детишек на остальной части Украины, то они подражают взрослым. И это вопрос инфантилизма самих взрослых, их ангажированности, увлеченности и собственной истерии. Вообще люди, оказавшиеся ***жертвами*** *информационной войны*, сами напоминают детей, которые повторяют разговоры взрослых. Телевидение транслирует искаженную реальность» (Владимир Петин. Российская газета. 2014. 10 сент. URL: http://www.rg.ru).

«На Донбассе идет ***беспощадная*** *информационная война*. “Сепаратисты заняли луганский областной роддом и выкинули оттуда рожениц. На крыше разместили зенитные установки и пулеметные гнезда”, – вещает один из украинских информационных порталов. Проверяю. Ничего подобного и близко нет» (Юрий Снегирев. Российская газета. 2014. 8 июля. URL: http://www.rg.ru).

Таким образом, краткий анализ семантических преобразований термина «информационная война» в публицистическом тексте позволяет понять, что столкновение интересов, защита которых ведется с использованием информационных ресурсов, в сознании носителей русского языка приобрело образ войны. Данный образ вербализируется не только «оживленной» метафорой «информационная война», но и рядом языковых единиц, номинирующих основные военные действия, этапы, оружие, участников и результаты этой войны. Интересен и тот факт, что все ярче проявляется тенденция превращения сочетания слов «информационная война» в вербальный инструмент информационной войны. Нередко актами информационной войны называются неприятная информация, мнение оппонентов, что снижает критичное отношение ко всем точкам зрения на происходящие события, а носителя альтернативной точки зрения заставляет воспринимать как опасного врага.

Список литературы

1. Бухарин С.Н., Цыганов В.В. Информационные войны в бизнесе и политике. М.: Академ. Проект, 2007.
2. Гузев С.А., Комиссарова М.Н. Информационные войны: типы и особенности // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 10 (2). С. 232–233.
3. Декатова К.И. Когнитивная динамика смысловой дистрибуции слова в процессе русского фразеообразования (на материале фразеологизированных стилистических фигур): дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
4. Декатова К.И. Смыслообразование знаков косвенно-производной номинации в процессе порождения речевого высказывания // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». 2009. № 7 (41). С. 4–8.
5. Добросклонская Т.Г. Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 85–94.
6. Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007.
7. Крячко В.Б. Понятийные характеристики концепта «Война» в английской и русской лингвокультурах // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». 2007. № 2. С. 26–30.
8. Манойло А.В. Современные интерпретации термина «информационная война» // Современная Россия и мир: альтернативы развития (Информационные войны в международных отношениях): сб. науч. ст. / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 24–29.
9. Манойло А.В. К вопросу о содержании понятия «информационная война» // Современная Россия и мир: альтернативы развития (Информационные войны в международных отношениях): сб. науч. ст. / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 17–24.
10. Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Рефл-бук ; Киев: Ваклер, 2000.
11. Ковалёва Т.С. Стратегия манипуляции в информационной войне (на материале текстов ИноСМИ, посвященных южноосетинскому / грузинскому конфликту 2008 г.) // Политическая лингвистика. 2011. № 3(37). С. 78–86.
12. Тихомиров С.А. К вопросу о некоторых технологиях ведения информационных войн // Армия и общество. 2012. № 1. С. 47–51.
13. Чернышов Ю.Г. Информационные войны − мифы и реальность // Современная Россия и мир: альтернативы развития (Информационные войны в международных отношениях): сб. науч. ст. / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 4–6.

* * *

1. Buharin S.N., Cyganov V.V. Informacionnye vojny v biznese i politike. M.: Akadem. Proekt, 2007.
2. Guzev S.A., Komissarova M.N. Informacionnye vojny: tipy i osobennosti // Sovremennye naukoemkie tehnologii. 2013. № 10 (2). S. 232–233.
3. Dekatova K.I. Kognitivnaja dinamika smyslovoj distribucii slova v processe russkogo frazemoobrazovanija (na materiale frazeologizirovannyh stilisticheskih figur): dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 2001.
4. Dekatova K.I. Smysloobrazovanie znakov kosvenno-proizvodnoj nominacii v processe porozhdenija rechevogo vyskazyvanija // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. «Filologicheskie nauki». 2009. № 7 (41). S. 4–8.
5. Dobrosklonskaja T.G. Lingvisticheskie sposoby vyrazhenija ideologicheskoj modal'nosti v mediatekstah // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2009. № 2. S. 85–94.
6. Karasik V.I. Jazykovye kljuchi. Volgograd: Paradigma, 2007.
7. Krjachko V.B. Ponjatijnye harakteristiki koncepta «Vojna» v anglijskoj i russkoj lingvokul'turah // Izvestija Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser. «Filologicheskie nauki». 2007. № 2. S. 26–30.
8. Manojlo A.V. Sovremennye interpretacii termina «informacionnaja vojna» // Sovremennaja Rossija i mir: al'ternativy razvitija (Informacionnye vojny v mezhdunarodnyh otnoshenijah): sb. nauch. st. / pod red. Ju.G. Chernyshova. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2012. S. 24–29.
9. Manojlo A.V. K voprosu o soderzhanii ponjatija «informacionnaja vojna» // Sovremennaja Rossija i mir: al'ternativy razvitija (Informacionnye vojny v

mezhdunarodnyh otnoshenijah): sb. nauch. st. / pod red. Ju.G. Chernyshova. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2012. S. 17–24.

10. Pochepcov G.G. Informacionnye vojny. M.: Refl-buk ; Kiev: Vakler, 2000.

11. Kovaljova T.S. Strategija manipuljacii v informacionnoj vojne (na materiale tekstov InoSMI, posvjashhennyh juzhnoosetinskomu / gruzinskomu konfliktu 2008 g.) // Politicheskaja lingvistika. 2011. № 3(37). S. 78–86.

12. Tihomirov S.A. K voprosu o nekotoryh tehnologijah vedenija informacionnyh vojn // Armija i obshhestvo. 2012. № 1. S. 47–51.

13. Chernyshov Ju.G. Informacionnye vojny – mify i real'nost' // Sovremennaja Rossija i mir: al'ternativy razvitija (Informacionnye vojny v mezhdunarodnyh otnoshenijah): sb. nauch. st. / pod red. Ju.G. Chernyshova. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2012. S. 4–6.

Semantics of the term "information warfare" in a journalistic text

There are described the semantic peculiarities of the term "information warfare" and considered the transformations of its meaning in a journalistic text.

Key words: *metaphor, semantics, term "information warfare", journalistic text.*

В.И. СУПРУН, Е.В. БРЫСИНА
(Волгоград)

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Описывается этнический и субэтнический состав населения Волгоградской области, определяются ведущая роль русского народа, характеризуются его диалектные особенности, анализируется народная речь проживающих в регионе украинцев, татар, выявляются места компактного проживания казахов, азербайджанцев, армян и др.

Ключевые слова: *диалектология, говоры, донское казачество, цоканье, полное аканье, ассимилятивно-диссимилятивное яканье, Волгоградская диалектологическая школа.*

Значительное число народов, в той или иной степени повлиявших на ход мировой истории, связано своей судьбой с междуречьем Волги и Дона. Древние индоевропейцы, насыпавшие здесь свои курганы (если придерживаться взглядов исследовательницы М. Гимбутас), многочисленные кочевники, говорившие на формирующихся языках алтайской языковой семьи, спорадически появлявшиеся представители уральской языковой общности, забредавшие сюда носители афразийских и сино-кавказских языков – чуть ли не половина доисторического мира в той или иной степени коснулась в своём становлении и развитии Нижней Волги и Среднего Дона.

Но постепенно этническая история нашего края стабилизировалась. Сразу здесь прочно обосновываются татары. В хазарское и золотоордынское времена именно они составляли костяк местного населения, охотно вступая в контакты со славянами, иранцами, кавказцами, византийскими греками, евреями и другими народами. На берегах Волги и её рукава Ахтубы появились крупные города. Татары и славяне относительно мирно сосуществуют.

К этому времени на берегах Дона начинают селиться в своих городках казаки, а в 1589 г. появляется крепость Царицын-на-Волге. Русский этнический элемент становится ведущим на Нижней Волге и Среднем Дону. Позже сюда прибывают на постоянное жительство украинцы, белорусы, поляки, евреи, цыгане, армяне, мордва, с 1764 г. поселяются немцы, с востока приезжают казахи, особенно интенсивно в конце XX – начале XXI в. В это же время увеличивают своё представительство в регионе народы Кавказа.

В настоящее время в Волгоградской области проживают 123 народа и 14 субэтносов, т.е. тех частей народа, которые обладают спецификой культуры и осознают своё отличие от остального этноса, как, например, казаки и поморы среди русских.

Для этнолингвистической картины региона важны диалектные особенности населения, то, какими чертами отличается речь жителей тех или иных населённых пунктов и их соседей. Русские расселены на территории нынешней Волгоградской области повсеместно, однако их речь разделяется на две диалектные зоны: западную (донские говоры) и восточную (волжские). Впервые донские и волжские говоры были рассмотрены В.И. Далем в его статье «О наречиях русского языка», опубликованной в 1852 г. в «Вестнике Русского географического общества» (V книга). Он подробно анализирует особенности донского наречия и сообщает, что в Саратовской и Астраханской

© Супрун В.И., Брысина Е.В., 2015